ФРАНЧЕСКА

КАРТЬЕ БРИКЕЛЛ

КАРТЬЕ

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ СЕМЬИ,
СОЗДАВШЕЙ ИМПЕРИЮ РОСКОШИ

История моды в деталях

Франческа Картье Брикелл

Картье. Неизвестная история семьи, создавшей империю роскоши

«Эксмо»
2019

УДК 671.12(091)
ББК 37.27

Картье Брикелл Ф.

Картье. Неизвестная история семьи, создавшей империю роскоши / Ф. Картье Брикелл — «Эксмо», 2019 — (История моды в деталях)

ISBN 978-5-04-246384-6

История легендарного бренда описана в десятках книг. Но ни одна из них, как бы великолепно она ни была изложена, не способна сравниться с трудом самого члена семьи. Франческа Картье Брикелл, внучка последнего представителя династии, кто управлял и владел филиалом легендарного ювелирного Дома, провела более десяти лет, путешествуя по миру в поисках подлинной и неизвестной до сегодняшних дней истории Cartier. Эта книга — невероятно захватывающий рассказ о семье и трех братьях, превративших скромный парижский ювелирный магазин своего деда в мировую империю роскоши. Их девиз гласил: «Никогда не копируй, только создавай», и у каждого был свой талант. «Картье» — это десять лет исследований, архивные фото, личные письма и свидетельства тех, кто когда-то работал или был знаком с семьей и брендом. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 671.12(091)
ББК 37.27

ISBN 978-5-04-246384-6

© Картье Брикелл Ф., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Ювелирные вехи 6
Фамильное древо Картье 7
Предисловие 9
Вступление 10
Часть I 15
1 15
Живая история 15
Ученик 16
Двадцать тысяч франков 17
«Да здравствует реформа!» 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Франческа Картье Брикелл
Картье
Неизвестная история семьи, создавшей империю роскоши

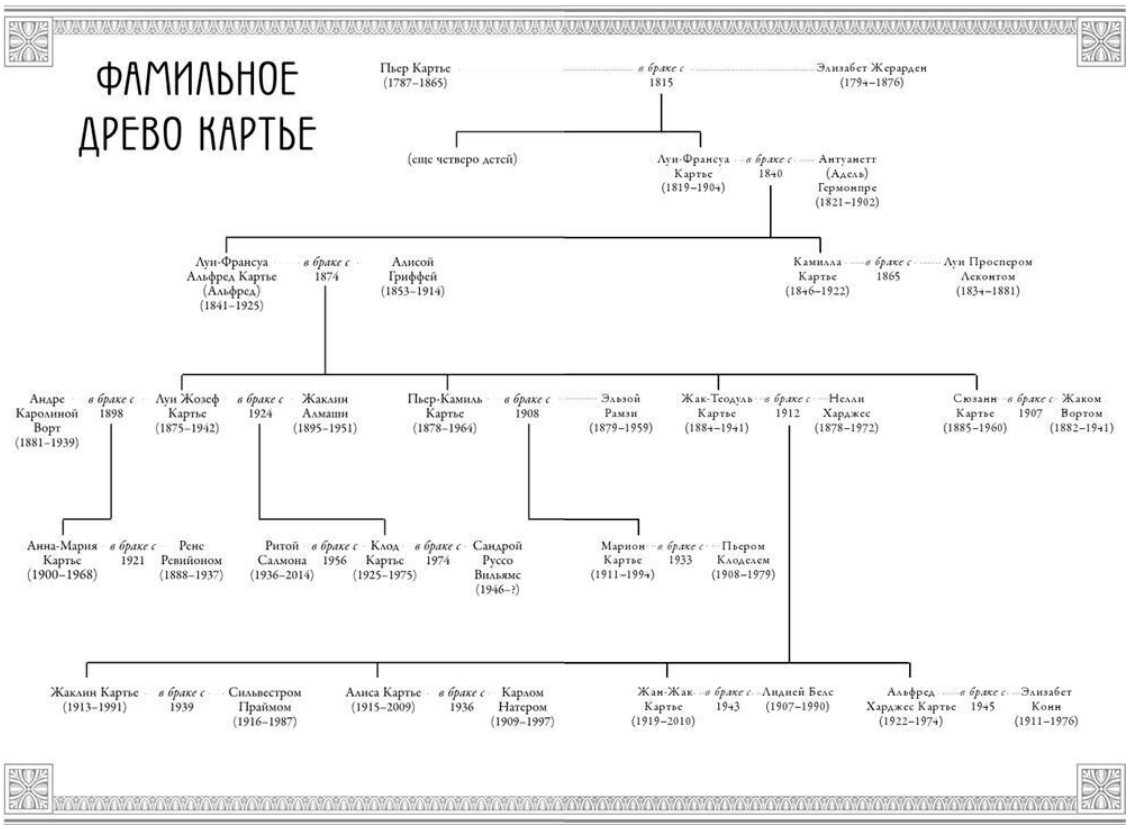
Посвящается моему дедушке и моим детям

© Веселая Е., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Ювелирные вехи

Часы Tank149
Драгоценные косметички312
«Таинственные» часы326
Изумруды Романовых385
ЕГИПЕТСКИЕ СОКРОВИЩА407
Колье Патиалы441
Шпаги академиков464
«тутти-фрутти» и «индусское колье»494
Стиль Cartier635
Большие кошки657
ЧАСЫ CRASH741

Фамильное древо Картье

Три брата Картье с отцом. *Слева направо:* Пьер, Луи, Альфред и Жак

Предисловие
Диана Скарисбрик, историк ювелирного искусства

О Cartier написано много книг, но ни одна из них не погружалась в историю семьи столь глубоко. Когда Ганс Надельхоффер (ныне покойный) опубликовал свое исследование Cartier: Jewellers Extraordinary, он сказал мне, как тяжело ему было «работать в кромешной тьме» при полном отсутствии частной информации о членах этой семьи, создавшей международную империю, которая стала синонимом элегантности и роскоши в XX веке. В последующие годы, несмотря на многочисленные выставки потрясающих работ Cartier, практически все, кто отвечал за дизайн, производство и продажи, оставались в тени.

Ныне завеса тайны приоткрылась и явила миру истинную историю Дома. В своей книге Франческа Картье Брикелл рассказывает о найденных старых письмах и о десятилетнем расследовании, призванном заполнить лакуны семейной истории и глубже заглянуть как в бизнес, так и в частную жизнь семейства Картье.

Книга прослеживает жизнь четырех поколений – от основателя марки Луи-Франсуа до Жан-Жака, дедушки автора. Центром повествования являются три брата: Луи, Пьер и Жак, тесная связь между которыми и личный вклад каждого смогли создать в начале XX века громкое имя и стиль Cartier.

Мы слышим их слова, записанные Франческой, и понимаем, как компании удалось пережить революции дома и за рубежом, две мировые войны, финансовые кризисы, катастрофическую депрессию 1930-х годов, потопившую многих конкурентов. История Дома состоит из множества инноваций, тесно связанных с изменениями в моде, социальных взаимоотношениях и экономической ситуации. Но независимо от того, было ли это традиционным стилем «гирлянда» периода Прекрасной эпохи, модернистским ар-деко или избыточным стилем послевоенных лет, любая вещь – от заколки для галстука до роскошной тиары – отмечена печатью совершенства, которая отличала ее от произведений соперников и моментально идентифицировала как вещь, «сделанную в Cartier».

Автор, правнучка Жака и внучка Жан-Жака, смогла оживить семейную историю – никто не сделал бы этого лучше. Франческа записала множество рассказов своего деда и служащих – ветеранов компании, которые ностальгически вспоминали, как «чувствовали себя частью семьи». В ее рассказе нет места случайностям и домыслам – лишь четкое следование по пути предков: от Парижа, Лондона и Нью-Йорка до сапфировых шахт Шри-Ланки и ближневосточных базаров. Она посетила дворцы в Индии, куда ездил Жак, встретилась с потомками его клиентов, изучила украшения, которые он им продавал. Франческе удалось создать захватывающий и вдохновляющий рассказ о величайших ювелирах XX века. Жан-Жак гордился бы ею.

Вступление

Несколько лет назад четыре поколения моей семьи собрались в доме нашего деда на юге Франции, чтобы отметить его 90-летие. Сидя на террасе за завтраком со свежими круассанами и мармеладом, я думала о том, что великий человек во главе нашего стола пережил столько, сколько обычным людям и не снилось. Жан-Жак Картье родился в 1919 году и, как и другие представители этого выдающегося поколения, стал свидетелем многих катаклизмов, которые потрясли мир. Он видел разрушительные последствия Великой депрессии и сражался на фронтах Второй мировой войны. Жил в «ревущие двадцатые» прошлого века дольше, чем в нынешнем. В тот праздничный день я смотрела, как он читает поздравительные открытки, и видела просто дедушку с аккуратно зачесанными седыми волосами, усами и добрыми голубыми глазами. Но такое восприятие скоро изменится. От находки, которая приведет меня к его прошлому и судьбам моих предков, отделяли считаные мгновения.

Осушая очередной кофейник, мы планировали особо ничего не делать. Хотелось побаловать старика, хотя он ненавидел быть в центре внимания. В детстве мы с кузенами удивлялись, что дедушка с бóльшим удовольствием дарил подарки на свой собственный день рождения, нежели получал. Однажды это оказалась большая деревянная песочница, внезапно появившаяся на террасе, в другой раз – пара велосипедов, на которых мы гоняли по саду. В этом году он объявил, что припас бутылку коллекционного шампанского.

Я вызвалась принести ее и спустилась в погреб. Было темно; не найдя бутылку, я стала исследовать помещение. Оно было заполнено вещами (дед никогда ничего не выкидывал): коробки с инструкциями к давно вышедшим из строя электроприборам, чемоданы со старой одеждой, пахнущей нафталином, охотничьи журналы. Тут было все, кроме шампанского. Я была готова признать поражение и вернуться с пустыми руками, как вдруг заметила рядом с дверью ящик, покрытый толстым слоем пыли и заваленный рухлядью. Я отодвинула высокую стойку для хранения вина, на которой одиноко стояла бутылка просроченного лимонада, разгребла кипу пожелтевших газет и обнаружила потрепанный сундук. Черный, с коричневыми кожаными ремнями, ничем не примечательный, – о давно ушедшей эпохе свидетельствовали лишь его бока с выцветшими наклейками парижских вокзалов и экзотических восточных отелей. Встав на колени, бережно расстегнула потертые ремни, медленно подняла крышку.

Внутри оказались письма. Сотни и сотни писем. Они были аккуратно собраны в связки, каждая перетянута желтой, розовой или красной лентой и надписана аккуратным почерком на белой картонке.

Мой дед принадлежал к четвертому поколению Картье, которое занималось семейным бизнесом. Он стал последним в роду человеком, возглавившим бизнес перед тем, как его продали в 1970-е. Владельцем сундука, скорее всего, был отец деда, Жак Картье. Перебирая письма, я поняла, что передо мной – история семейной компании, создавшей одни из самых ценных ювелирных украшений для сильных мира сего. Этот сундук со временем прольет свет на роскошные балы Романовых, блестящие коронации и экстравагантные банкеты махараджей. Члены королевских семей, дизайнеры, художники, писатели, политики, светские персонажи и кинозвезды оживут на этих страницах. Мне вскоре предстояло узнать, как король Великобритании Эдуард VII, великая княгиня Мария Павловна, Коко Шанель встали в один ряд с герцогиней Виндзорской, Элизабет Тейлор, Грейс Келли и королевой Елизаветой Второй в богатой истории Cartier. Их связали ювелирные украшения: изумруды размером с яйцо, прóклятые камни, бесконечные нити идеально розового жемчуга, каскады редких цветных бриллиантов, великолепные сапфировые тиары и легчайшие бриллиантовые корсажные броши.

Но старый сундук хранил и личную историю: письма от скучающих по дому сыновей и озабоченных родителей, радостные телеграммы о рождении детей и полные горя послания о

смерти, любовные письма и яркие описания далеких стран. Страницы, лучащиеся надеждой и полные страха. Советы отца по поводу новых проектов и переписка между братьями, показывающая их крепкую родственную связь.

Дед иногда говорил о старых письмах родителей, но так и не смог их найти. В конце концов решил, что все утеряно. Когда я вернулась на террасу без обещанного шампанского (позже его нашли в серванте под лестницей), но с пачкой писем, он был невероятно счастлив.

Я обожала дедушку. Безмерно щедрый, добрый, любящий. У него был заразительный смех, заставлявший хохотать всех вокруг. Скромный по натуре, он не был похож на человека, управляющего знаменитой ювелирной компанией. Дома он чувствовал себя счастливым: интроверт, никогда не говоривший о бизнесе. Всегда хвалил предшественников, талантливых мастеров и дизайнеров, которые у него работали, и никогда не упоминал собственных заслуг. Больше слушал, чем говорил: его интересовало, что происходит в семье, все ли здоровы и счастливы. Если возникали проблемы, первым предлагал свою помощь.

Жан-Жак вернулся во Францию незадолго до моего рождения. Каждый июль он ждал нас в аэропорту Ниццы, чтобы отвезти в дом, где жил с бабушкой, а после ее смерти – один. Спускаясь по трапу, мы видели деда – с фирменной трубкой, в знакомой кепке. Как только мы появлялись, он бросался вперед, чтобы проложить путь к машине под обжигающим солнцем. Мы проезжали по Английской набережной, оставляя слева сверкающее море и беспечных купальщиков, и сворачивали в сторону гор. У деда, как и у его отца, были больные легкие, поэтому он жил в горах. После берега и толп отдыхающих пейзаж становился все более безлюдным. Наконец мы прибывали в его деревню. Мимо булочной и овощной лавки, мимо фургончика с пиццей – и вот наконец крутой поворот на ухабистую дорогу к дому. Реальный мир оставался позади. По обе стороны дороги паслись овцы, томно жующие сухую траву, вдоль обочины шла по своим делам вечная старуха Тереза, хозяйка фермы, жившая в высоком доме с крошечными окошками. Еще несколько поворотов – и мы у белых ворот, ведущих в каникулы.

Внутри был оазис. Стрекот цикад приветствовал нас, когда мы выпрыгивали из раскаленной машины и бежали по светло-серому гравию. Сад, в который Жан-Жак вложил столько сил и энергии, когда вышел на пенсию, был – по контрасту с пустыней вокруг – наполнен красками, свежестью и жизнью. Длинная зеленая лужайка простиралась от самой террасы и становилась местом для беготни и игры в бадминтон. Слева, уровнем ниже, был бассейн, окруженный лавандой и розмарином. Еще ниже росли лимонные, мандариновые и апельсиновые деревья. С заросшей жасмином крыши из прованской черепицы открывался вид на море, в ясные дни можно было увидеть лодки вдалеке. В конце сада росли абрикосовые деревья, расположились плантации клубники и малины. Были и помидоры, душистые и сочные. Заботливый Жан-Жак высаживал их заранее и поливал каждый вечер, чтобы поспели к нашему приезду, хотя сам их не любил.

Ярко-голубое дневное небо к вечеру становилось нежно-розовым. Небо Матисса, Пикассо и Сезанна. Дедушка с бабушкой провели медовый месяц неподалеку, на горе, в городке Сен-Поль-де-Ванс, привлекавшем художников задолго до того, как туда хлынули туристы. Не случайно дед выбрал эти края, чтобы встретить старость. Будучи художником по натуре, он любил свет. В последние годы жизни терял зрение; я видела, как он вглядывался в линию горизонта над морем. «Пытаюсь запомнить эту картину как можно лучше, – объяснил он, когда однажды я присоединилась к нему на террасе. – Думаю, когда ослепну, буду очень скучать по этому свету – не закатному, а чуть более раннему, тонкому». Дед построил художественную мастерскую в саду – с раздвижными стеклянными дверями и большим окном с видом на море. Заполненная альбомами для рисования, листами бумаги, остро отточенными карандашами, мастерская стала его творческим убежищем.

Для Жан-Жака смыслом работы в Cartier были не драгоценные камни. Его интересовали поиск оригинального дизайна и выполнение тончайшей работы. Философия, ставшая образом жизни. Каждая вещь в доме – небольшая бронзовая скульптура, картина маслом или испанский обеденный стол – была по-своему уникальна, стояла в правильном месте. Всюду виделись следы иностранного влияния: от индийских ковров и китайского кофейного столика до персидских миниатюр. Семья долгие годы черпала вдохновение в вещах со всего света; члены клана окружали себя эклектичными предметами искусства. Но Жан-Жак не замкнулся в прошлом. Новаторский книжный шкаф из стекла и металла, который он придумал и поставил для отца в гостиной, был проявлением его минималистской философии «лучше – меньше».

Все вещи стояли на своих местах, в доме царил образцовый порядок; но когда появлялись мы, неся с собой хаос, дед не ворчал. Наоборот! Если что-то ломалось или разбивалось, он лишь беспокоился, не поранились ли мы. «Не беспокойся, дорогая, – говорил он в ответ на извинения. – Ты сама-то в порядке?»

Каникулы были раем. По возвращении в Англию на учебу мы общались при помощи писем. Конверты, подписанные красивым почерком деда, приносили огромную радость – мы жили в школе-интернате и очень скучали по дому. Дед прекрасно понимал, что такое тоска по родным стенам, и не мог терпеть несчастье других. У него была дислексия[1], ему было трудно писать, поэтому он предпочитал рисунки словам, заполнял страницы набросками животных и забавными подписями, неизменно поднимавшими настроение.

Когда мы повзрослели и осознали, что у дедушки была и собственная жизнь, начали расспрашивать о прошлом. Он не любил говорить о себе, но иногда рассказывал разные истории. Например, как однажды заснул в ожидании британской королевской семьи в Букингемском дворце и был разбужен, к своему ужасу, королевой-матерью. Или как в годы Второй мировой войны его кавалерийский отряд был вооружен саблями времен наполеоновских сражений, хотя против них были выдвинуты бронированные танки. Иногда упоминал драгоценности: косметичку, которую он сделал для принцессы, или бриллиантовое колье, сотворенное его отцом для махараджи. Было много историй о предыдущих поколениях семьи, особенно – об отце и двух дядях, которые превратили Cartier в ведущую мировую ювелирную фирму.

К тому времени, как обнаружила сундук с письмами, я уже начала записывать некоторые воспоминания дедушки – просто, чтобы не забыть. На самом деле это пришло в голову не мне, а мужу, новичку на наших семейных встречах. Он, давно лишившийся бабушек и дедушек, сразу понял, насколько бесценно приоткрыть окно в прошлое. Его беспокоило, что если кто-то не начнет записывать наши обеденные разговоры о прошлом, эти истории канут в Лету.

Мое открытие в чулане подтолкнуло меня взглянуть на случайные рассказы и воспоминания по-новому. Затащив сундук наверх, я провела остаток лета, разбирая его содержимое. Дед помогал. Мы сидели в его кабинете после полудня, во время чаепития. Вернувшись во Францию, он скучал по английской традиции послеполуденного чая, и я пыталась (не всегда успешно) испечь сконы[2], его любимые британские булочки, по рецепту из бабушкиной кулинарной книги. Читая письма, мы обменивались мнениями и догадками, я задавала вопросы. Мне не терпелось поскорее все прочитать – так увлекала история, о которой я практически ничего не знала. Дед читал медленнее, с благодарностью впитывая каждое слово. Я часто видела его с очередным письмом в руках – он сидел в любимом кресле и глядел вдаль.

За день до находки мы, как обычно, просматривали каталог ювелирного аукциона. Когда он замечал достойное внимания изделие Cartier, подробно рассказывал, как оно было создано, откуда взялось вдохновение, с какими проблемами столкнулись мастера при изготовлении. В

[1] Неспособность (или затрудненность) овладения письмом и чтением при сохранном интеллекте и физическом слухе.

[2] Небольшого размера британский хлеб быстрого приготовления.

тот день он указал на несколько вещей в египетском стиле, сделанных под руководством его отца в 1920-е годы. Вспоминал, как мир был потрясен открытием гробницы Тутанхамона, и после началась мода на древнюю историю. Потом мы шутили, что пыльный сундук, найденный в подвале, тоже мой собственный Тутанхамон. Эта находка изменила мое восприятие прошлого, превратив старые пожелтевшие фотографии в реальных, полных жизни людей. И хотя я еще этого не знала, она в конце концов вывела меня на новый жизненный путь. Чем больше углублялась, тем острее понимала: нельзя прятать такие сокровища. Я хотела описать сложную историю семьи Картье, пока дедушка еще был с нами. Письма, в конце концов, это лишь часть истории.

Однажды я спросила, можно ли записать его воспоминания на пленку. Разговоры за обедом были прекрасны, но хотелось бы иметь более полную картину его жизни и жизни предков: к тому времени я уже решила писать историю Семьи. Это была непростая просьба – дедушка, человек скромный и закрытый, отказывал писателям и журналистам в интервью. Однако со временем понял: если последний человек из поколения Картье не поделится воспоминаниями, они будут утрачены навсегда.

Он также чувствовал, что остались невоспетые герои; несмотря на обилие иллюстрированных книг о Cartier, полная история семьи так и не была рассказана. Дед расстраивался, когда я говорила, что его версия событий не совпадает с тем, что написано у других. «Неважно, что говорят в книгах, – ворчал он. – Я рассказываю, как было дело, потому что я этим жил!» В конце концов он согласился мне помочь – чтобы история семьи не ушла в небытие.

В течение последующих месяцев каждую пятницу я прилетала к нему последним вечерним рейсом, сидела в его маленькой кухне за белым столом 1950-х годов и погружалась в увлекательные воспоминания. Было чувство, что мой живой интерес пробуждает в дедушке все большую потребность рассказать о людях и событиях, оставшихся лишь в воспоминаниях.

Но и я могла поделиться находками. В доме не было компьютера, и он не представлял себе, как искать старые газетные публикации или прослеживать судьбы людей, с которыми общался десятки лет назад. Я приезжала, нагруженная материалами: статьями о его отце, книгами, в которых упоминались старые клиенты, воспоминаниями тех, кто работал на семейную фирму. Мне даже удалось найти старейших сотрудников Cartier в Лондоне. Некоторые, уже отметившие 90-летие, не хотели вспоминать и общаться с бывшими коллегами. Однако обмен новостями и приветствиями с дедушкой – через меня – был приятен обеим сторонам.

Так что и я помогла расширить воспоминания. «Я так рад, что в семье есть историк», – говорил он, хотя я не думала о себе в таком ключе. После изучения литературы в Оксфорде я работала финансовым аналитиком в секторе розничной торговли. Напряженные рабочие дни в Сити[3] не способствовали личной жизни, но научили анализировать факторы успеха компании. Одно дело – производить товары высокого уровня, но совершенно другое – создать международный бренд.

Мое путешествие в прошлое началось с сундука писем и глубочайшего восхищения дедушкой. Затем захотелось понять, как предкам удалось превратить маленький семейный бизнес в ведущую ювелирную компанию. И зачем они ее продали.

Разговаривая с дедушкой, я все глубже погружалась в детали и наконец смогла выстроить картину столетнего развития семейной фирмы. Он показал хронологическую таблицу, которую начертил его отец, – чтобы мальчик с детства изучал семейную историю. Рассказал, как прадед выжил во время Французской революции, а дед гениально разбирался в драгоценных камнях; поведал о том, как отец и дяди смогли вывезти французскую роскошь за моря задолго до эры глобализации. Но самым интересным было его путешествие по собственной жизни. Вместо добрейшего дедушки, к которому мы привыкли, я видела маленького мальчика, ждущего

[3] Деловой район в Лондоне.

сказки на ночь; затем – храброго солдата; позже – молодого человека, оплакивающего утрату отца. Я зримо представляла взволнованного босса, которому пришлось возглавить бизнес до того, как он почувствовал себя готовым к этому.

Находка сундука с письмами и запись мемуаров деда стали определяющими моментами моей жизни; но это было лишь начало. Да, я не подвергала сомнениям его версию событий, но понимала, что человеческая память избирательна, субъективна. Письма из сундука рассказали лишь часть истории. Поэтому я стала искать источники по всему миру, заглянула под каждый камень, нашла неожиданные факты. И в результате пересмотрела понимание семейной истории, обратив внимание на тонкие ускользающие нити.

Я прочесала увлекательные семейные архивы, раскиданные по миру, – от Сент-Луиса до Токио. Приезжала по адресам, написанным паучьим почерком на выцветших конвертах: Лондон, Париж, Нью-Йорк. Ощутила, каково жить в величественных домах иной эпохи. Проследила пути прадедушки по восточным землям. Побывала в тех же сапфировых шахтах, что и он, ночевала в тех же зданиях, ходила босиком по храмам. Я встречалась с потомками людей, которых он знал: от индийских махараджей и жемчужных шейхов Персидского залива до продавцов драгоценных камней на Шри-Ланке и американских наследниц миллионеров. Потратила многие и многие часы в поисках документов о рождениях, смертях и свадьбах столетней давности. Мне посчастливилось узнать по-настоящему удивительных людей: 90-летнюю бывшую продавщицу, которая пригласила меня на ланч и щедро поделилась воспоминаниями; скромного дизайнера в Лондоне, который кормил меня тостами с джемом, рассказывая об эксцентричных запросах клиентов и о роскошных королевских драгоценностях.

Моя книга не претендует на статус биографии семейной фирмы. Это – человеческая история, основанная на личных воспоминаниях, переписке и другом раскопанном материале. Заканчивается она 1974 годом, когда было продано последнее подразделение Cartier.

К сожалению, дедушка умер в 2010 году. Разговоры о прошлом нас очень сблизили, и его уход потряс меня. Потребовалось немало времени, прежде чем я смогла вернуться к пленкам. Переживала, что слышать его голос после его ухода будет слишком тяжело, но, на удивление, это успокоило – будто он снова был рядом. Я всегда думаю о нем, когда одно из упомянутых украшений всплывает на аукционе. Когда читаю письма или вижу наш старый верный сундук. И когда цвет неба на юге Франции становится нежно-розовым перед закатом. Незадолго до смерти деда, спустя столетие после того, как братья Картье создали великую ювелирную компанию, я дала ему обещание, что расскажу подлинную историю семьи. Так появилась эта книга.

Часть I
Начало
(1819–1897)

«Мне не надо говорить тебе, как я жажду твоего возвращения. Мы неразделимы, и мне больно вынуждать тебя оставаться [вдали] пока ты не приведешь наш бизнес к наивысшему уровню успеха из возможных… Жду хороших вестей. Верь мне, мой дорогой Альфред.

Твой преданный отец и друг».

– Письмо Луи-Франсуа Картье Альфреду Картье, 1869

1
Отец и сын: Луи-Франсуа и Альфред
(1819–1897)

Живая история

Аукционный зал гудел. Любители украшений, коллекционеры и дилеры с пяти континентов собрались, чтобы сыграть свои роли в спектакле, который журнал Town & Country окрестил «ювелирной продажей века». Фотографы настроили камеры, наблюдатели вооружились телефонами. В 10 часов утра 19 июня 2019 года пятерых ведущих аукционистов Christie's пригласили на подиум Рокфеллер-центра в Нью-Йорке, чтобы провести 12-часовой марафон торгов. «Не каждый день, – писала газета The Financial Times, – такое количество украшений музейного уровня из одной всемирно известной коллекции выходит на аукцион». Принадлежащие шейху Хамаду Аль-Тани 388 лотов были выставлены на аукцион «Великолепие махараджей и Великих Моголов», который охватил пять веков и самых экстравагантных правителей в истории. Forbes назвал его «пещерой сокровищ Аладдина», если бы только «кому-то удалось найти лампу с джинном, который помог бы финансировать ставки».

Многие вещи Cartier были выставлены на второй, послеполуденной сессии аукциона. От лота 228, усыпанной камнями броши-пряжки 1922 года, изготовленной для маркизы Чолмонделей, ждали, что он вызовет особенный интерес. С огромным восьмиугольным изумрудом весом 38,71 каратов в центре, окруженным бриллиантами, сапфирами и изумрудами, брошь представляла собой типичный для Cartier образец ар-деко, вдохновением для которого послужили украшения Востока. Торг начался с 400 000 долларов. Цена быстро росла – шаг составлял сначала 20 000, затем 50 000 – и вскоре цифра на экране позади аукциониста превысила эстимейт в 500 000–700 000 долларов. Молоток упал на отметке более полутора миллионов, что вызвало спонтанные аплодисменты.

В памятный день купили не только эту вещь Cartier. Корсажная брошь Прекрасной эпохи из платины с бриллиантами, брошь 1930-х годов в стиле «тутти-фрутти», редкое ожерелье из градуированных натуральных жемчужин, а также рубиновый чокер махараджи – в торгах участвовало 21 украшение Cartier. Восемь из них достигли цены свыше миллиона долларов. Одно было продано за 10 миллионов. По количеству лотов украшения Cartier составили лишь 5 процентов от общего числа, но по ценам достигли 25 процентов от общей суммы в 109 миллионов долларов. Потрясающий результат!

В XXI веке вещи Cartier стали самыми желанными ювелирными украшениями на планете. «Если вы видите старое украшение с подписью Cartier, – говорили эксперты, – можете сразу утраивать цену. Эти вещи из совершенно другой лиги». Так, в 2010 году браслет 1950-х годов в виде пантеры из платины с ониксом и бриллиантами, принадлежавший герцогине Виндзорской, стал самым дорогим браслетом, когда-либо проданным на аукционе Sotheby's. А когда спустя четыре года ожерелье Барбары Хаттон 1933 года было продано на аукционе в Гонконге, то вошло в историю как самое дорогое украшение из жадеита[4]. В 2017 году часы Tank, сделанные в 1960-х для Джеки Онассис, были проданы с тройным превышением начальной цены, а на рекордном аукционе драгоценностей Элизабет Тейлор в 2016 году самым дорогим предметом опять же стало колье Cartier. После единодушного мирового признания трудно поверить, что когда-то было иначе. Однако основатель марки начинал с других реалий. Ровно за 200 лет до знаменитого аукциона в Нью-Йорке Луи-Франсуа Картье вступил в совершенно другой мир.

Ученик

Ребенком Луи-Франсуа Картье тяготел к традиционному образованию: хотел читать классических авторов, заниматься науками, изучать великих художников. Но ближайшее будущее оказалось другим. В семье было семь ртов, которые нужно было кормить, и, как старший сын, он должен был играть свою ведущую роль. После начальной школы пришлось работать. Отец, Пьер, нашел ему место ученика в ювелирной мастерской. Это была тяжелая и низкооплачиваемая работа, но профессиональные ювелиры были частью «шести ремесленников Парижа» – престижной группы умелых купцов и мастеров, которые считались средним классом. Хорошие перспективы для молодого Картье.

Каждое утро Луи-Франсуа 20 минут шел из тесного семейного дома в Марэ до «Чрева Парижа». Здесь, среди шума зерновой биржи и запахов рынка устриц, располагались городские ювелиры. Его новый хозяин, мсье Бернар Пикар – *фабрикант,* или производитель украшений, владел хорошо оборудованной мастерской на двух верхних этажах шестиэтажного дома 31 по улице Монторгей, рядом с церковью Сент-Юсташ.

Работа была непростой. Управляющие мастерской обращались с учениками как с «обитателями конуры». Мальчики работали по 15 часов в день практически без оплаты. «Мы получали оплеухи, тычки и удары по ушам», – вспоминает один из современников, Альфонс Фуке. А где-то далеко, в мастерских Фаберже, как вспоминает один из сотрудников, в наборе инструментов ученика главным был кнут: «Ни один не выучился без него». Немногие выдерживали, но Луи-Франсуа, видевший, как отец старается построить жизнь с нуля, имел сильнейшую мотивацию.

За десять лет до рождения старшего сына Пьер Картье сражался за Францию в наполеоновских войсках, попал в плен армии Веллингтона. Он провел годы взаперти – в ужасной, переполненной тюрьме в бухте Портсмута, не зная, сможет ли когда-нибудь выбраться оттуда. Когда его выпустили после поражения Наполеона в 1815 году, юноше было 28 лет: ни гроша в кармане, ни перспектив, ни семьи. Вернувшись в Париж, он нашел работу кузнеца, женился на Элизабет Жерарден (прачке и дочери купца), стал отцом. Теперь, когда его сын заканчивал обучение в ювелирной мастерской, Пьер надеялся на лучшую жизнь следующих поколений.

К счастью для Луи-Франсуа, это было хорошее время, чтобы войти в ювелирную профессию. Французские аристократы, покинувшие столицу во время революции и наполеоновского правления, постепенно возвращались ко двору новых королей – Бурбонов. Их появление привело к всплеску интереса к предметам роскоши. Жизнь при дворе была по-прежнему жал-

[4] Минерал зеленого цвета, внешне очень похож на нефрит, однако встречается реже и ценится выше.

ким подобием эпохи Марии-Антуанетты, но в моду вошли маленькие скромные украшения, и Пикар работал именно на этот рынок. Закончив изделие, Луи-Франсуа и его коллеги ставили на него клеймо – официальный знак производителя, подтверждающий происхождение вещи. В случае Пикара это были его инициалы, ВР, разделенные изображением реки (игра слов – riviere по-французски и «река», и «бриллиантовое ожерелье»). Возможно, кто-то из учеников и надеялся, что когда-нибудь заимеет собственное клеймо, но это были очень далекие мечты. Возможностей продвижения не было. Даже если Пикар в один прекрасный день отойдет от дел, его место займет старший сын Адольф.

За несколько месяцев до своего 21-го дня рождения Луи-Франсуа, без уверенности в собственном будущем, женился на 18-летней девушке Антуанетте Гермонпре. Все называли ее Адель, семья была родом не из Парижа. Отец, столяр, приехал в столицу в поисках работы из Руана, потом к нему присоединилась семья, и несколько поколений ютились в тесном доме недалеко от Картье. Именно здесь, в квартале Марэ, холодным февральским утром 1840 года юная пара произнесла клятвы верности в католической церкви Св. Николая-на-полях. После свадьбы, не имея возможности содержать собственный дом, они переехали к родителям Адели. Через год родился обожаемый единственный сын – Луи-Франсуа Альфред, которого все называли Альфред. Когда мальчику исполнилось 5 лет, родилась его сестра Камилла.

Париж 1840-х годов вряд ли был идеальным местом для воспитания детей, особенно в среде рабочего класса. Перенаселенность стала острейшей проблемой – мигранты из сельской местности занимали любые свободные клочки земли, не оставляя пространства для парков и мест отдыха. Открытые стоки были рассадниками болезней, многие дети не доживали до подросткового возраста. Луи-Франсуа батрачил на Пикара, надеясь, как когда-то его отец, что сможет обеспечить детям нормальную жизнь. Еще много лет эти надежды казались несбыточными.

Двадцать тысяч франков

В 1847 году мсье Пикар сделал заявление, которое изменило жизнь не только Луи-Франсуа, но и будущих поколений семьи Картье, а со временем – и всей ювелирной отрасли. Он объявил сотрудникам, что хочет перевести свой бизнес в более модную часть города – Пале-Рояль, но сначала ему нужно продать свою мастерскую на улице Монторгей. Для Луи-Франсуа это была возможность, которую он так долго ждал. При поддержке своей семьи ему удалось собрать большую часть продажной цены в 20 000 франков (нелегкая задача в то время, когда средняя заработная плата составляла менее 2 франков в день). Но, не имея полной суммы, не говоря уже о 1600 франках, необходимых для покрытия текущей аренды двухэтажной мастерской, он предложил Пикару выплатить оставшуюся часть в рассрочку. И, к счастью, Пикар, который на протяжении многих лет доверял своему трудолюбивому сотруднику, согласился.

Таким образом, после долгих лет борьбы за выживание, 27-летний Луи-Франсуа Картье стал владельцем собственного бизнеса. Он поспешил зарегистрировать товарный знак – и уже в апреле смог производить украшения под своим именем. Знак Пикара состоял из букв и реки; Луи-Франсуа придумал ромб со своими инициалами, разделенными тузом червей. В январе 1848 года имя Картье впервые появилось в ежегодном парижском торговом каталоге. Его новая фирма, по описанию Луи-Франсуа, была «преемником Пикара, производителем ювелирных украшений, изделий из золота, декоративных объектов и новинок».

Как и при Пикаре, Луи-Франсуа производил бóльшую часть вещей в своей мастерской. Но иногда удавалось взять украшения у других мастеров. В первые месяцы существования марки в его магазине были браслеты из горного хрусталя, броши в виде цветов, аксессуары с барочным жемчугом, бриллиантовые серьги, которые он продавал другим мастерским и ювелирам (включая королевского ювелира Фоссена, впоследствии – ювелирный Дом Chaumet).

Многие из них предназначались важным клиентам: семейству Ротшильдов, бельгийской принцессе. Луи-Франсуа предпочел бы продавать напрямую, но до этого было еще далеко. Как бы ни были привлекательны вещи, его скромная мастерская была пока не известна аристократическим покупателям. Поэтому ближайшей задачей Картье стало создание и утверждение собственного имени. И хотя первые шаги Луи-Франсуа оказались весьма успешными, времена, как ему вскоре предстояло узнать, были далеко не лучшими.

Первое клеймо Cartier, зарегистрированное 27-летним Луи-Франсуа 17 апреля 1847 года

«Да здравствует реформа!»

Уже несколько месяцев кипящее варево недовольства во Франции готовилось перелиться через край. Плохие урожаи, ранняя гниль картофеля и финансовый кризис 1846 года привели к рецессии: треть парижан осталась без работы и была вынуждена бороться, чтобы прокормить детей. Пока росла волна общественного недовольства королем и правительством, оппозиция среднего класса проводила «политические банкеты», на которых обсуждались идеи реформации. Когда в 1848 году король Луи-Филипп объявил эти собрания вне закона, для многих такое решение стало последней каплей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.